

Пятьдесят оттенков серого: почему в российских миллиардерах больше нет огня

Время ярких поступков и эффектных жестов уходит в прошлое – новые реалии требуют от бизнесменов быть как можно более незаметными

Алексей Фирсов

В публичном пространстве часто говорят о фактической канве событий, реже делают анализ причин, еще реже – обращают внимание на психологические факторы и личные мотивы, либо упрощают их до совсем примитивного уровня. Человек выносится за скобки, будто все происходит само собой, как запущенный механизм, где движения предreshены пружинками и шестеренками, а люди – всего лишь встроенные в механизм фигурки.

Интересно посмотреть, как за последние 20 лет изменился психологический портрет российского предпринимателя. Ведь сейчас мы имеем дело с другой структурой личности, нежели в середине и конце 1990-х и даже на исходе нулевых. Уже сложно понять, что здесь первично: изменились ли сами люди, а за ними – характер бизнес-процессов и среда, или, наоборот, личные трансформации стали следствием внешнего контекста и новых правил игры.

Но где же знаки перемен? Первое, что бросается в глаза, –

почти исчезла субъектность предпринимателей. Вспомните, к примеру, публичные проявления прошлых лет. Да, у ряда фигур были повышенная эпатажность и нарциссическая сфокусированность на своем эго – как у Слободина, Чичваркина или в худшей редакции у Полонского. Но и в менее кипящих натурах чувствовалось, что им интересно проявлять свой характер и стиль. Поэтому журналист в ходе интервью не стеснялся спрашивать, а собеседник – отвечать о сугубо личных вопросах, например о снах, мечтах, хобби, политических вкусах, идеях, фиксациях. Речь обретала собственный стилистический рисунок, а личности – характер портретов. Я, к примеру, помню одно из редких интервью Абрамовича, в котором он признался, что у него есть «чувство потока», который подхватил его и которым он уже не вполне управляет. Кто сегодня скажет о таком потоке?

Субъектность когда-то чувствовалась даже у предпринимателей путинского призыва, сформированных уже в другой политической реальности. Тимченко мог грустить об оставленных в Швейцарии овчарках, а Якунин – говорить о патриотизме, но таким языком, которым мог владеть только он сам и который своим удивительными речевыми конструкциями обесмысливал все напряжение патриотического пафоса. Ставя в один ряд интервью разных фигур, можно было легко понять: ну конечно же, это Дерипаска, здесь – Швидлер, а здесь Чубайс, Фридман и так далее. Важно сразу заметить, что субъектность – это далеко не только особенности личного поведения или публичной речи. Речь скорее знак. Это поиск себя в социальном пространстве, стиль ведения бизнеса, степень агрессивности, филантропия. И в значительной мере – характерный стиль управленческих команд. Один, вроде партнера Абрамовича Давида Давидовича, мог сказать: «Нам эта сделка нужна, потому что мы покупаем ситуацию». Просто, цинично, понятно. Другой давил на гуманитарные факторы или общественное благо, причем в значительной степени верил в то, о чем говорил.

А потом вдруг наступила абсолютная закругленность, стерильности речи, будто некие шизофреники-пиарщики решили,

что в информационном поле должен быть безукоризненно-клинический порядок, а самое страшное – это острые отличия, индивидуальность и «рискованные высказывания», которые могут быть неверно истолкованы. В конечно счете погубила их мысль о мифических «целевых аудиториях», но это отдельная тема. У нас в общежитии на философском факультете жил один психически не очень здоровый студент, который потом долго лечился. Он каждый вечер в идеальном порядке и на одинаковом расстоянии друг от друга выкладывал на прикроватной тумбочке личные вещи: часы, ручку, блокнот, платок и другие аксессуары. Любое случайное нарушение этой гармонии он воспринимал как катастрофу и впадал в долгий ступор. Примерно такая же стерилизация жизни происходит сегодня в публичной сфере.

Ответы стали превращаться в развернутые цитаты из пресс-релизов, к которым не придерешься, но и делать с ними уже нечего, потому что они бесплодны в отношении раскрытия мысли. Вспомните, давно ли обсуждалась какая-то яркая фраза политика или бизнесмена, если не брать спонтанные афоризмы нашего премьера.

Почему это случилось? Одергивал ли их кто-то, советовал не высовываться, надеть серый пиджак, скучный галстук и слиться с фоном? Наверняка, нет. Разумеется, за счет стирания индивидуальных черт элиты происходило более яркое и четкое выделение контура единственного героя, который на вершине управленческой пирамиды мог проявлять свою индивидуальность во всем размахе: брутально шутить, скакать с обнаженным торсом, искать древние сосуды на дне морей и взмывать к небесам за стерхом. Концентрация субъектности вокруг одной фигуры давала лидеру неоспоримые политические преимущества, но и наделяла грузом повышенных ожиданий не только со стороны населения, но и предпринимательского класса. При этом никаких указаний по поводу собственных публичных имиджей элита не получала, каким-то образом она сама считывала и интерпретировала сигнал времени, меняя свои привычки.

Изменение публичных стратегий совпало с развитием чувства фатальности происходящего, зависшим вопросом: «А что, собственно, от меня здесь зависит?» Личность возникает там, где она может открыто и свободно проявить себя, она связана с собственным выбором и активностью. Бессмысленно требовать проявления личного начала в армейской шеренге. Но она также лишена смысла в ситуации, где игровое пространство сужено до предела, правила формируются автономно от участников и крайне подвижны, роли расписаны. Когда-то мир воспринимался бизнесом как большое игровое пространство со множеством участников, что отразилось и в языке. Например, участников рынка было принято называть игроками (почти вышедший из употребления термин). Игра рождала кураж, от которого у некоторых вообще сносило голову – в переносном, но порой в прямом смысле слова. Но теперь мир стал полигоном. Решения должны быть не элегантными, а максимально функциональными, как камуфляжная форма. Вместо портрета возник функциональный инженерный чертеж.

Кстати, синхронно с этим уходит и личное начало в политике. Исчезает демонстрация политиками своих частных особенностей и своего персонального почерка. Символически это отразилось в смене трех заместителей главы Администрации президента по внутренней политике. Постмодерниста, эстета и игрока Суркова сменяет тяжеловесный идеолог Володин (но любая идеология – это еще различие, момент личной определенности), а на смену Володину приходит технократ Кириенко, который обретает индивидуальность именно за счет своей обезличенности и чистой функциональности: таких еще не было, а вот теперь – будут. Рассуждать сейчас о Кириенко как публичном образе – все равно что рассуждать об операционной системе или машинном интеллекте, у которого, конечно, есть свои достоинства и недостатки, но уж точно нет осознания своего «я».

Есть свои плюсы и минусы в подобной деперсонализации российских элит. Начнем с преимуществ. Первое – это отсечение наиболее уродливых, эксцентричных и социально аллергенных проявлений, которые временами трактовались как особенности

русского бизнеса в целом. Например, тот же Прохоров с девушками в Куршевеле, кокаиновые вечера одного известного девелопера, публичная демонстрация роскоши. Второй – усиление мобилизационного потенциала среды, которая в период «осажденной крепости» должна быть максимально управляема, а значит, унифицирована. Третий – снижение персональных рисков. Как-то спокойней, когда ты меньше заметен, не слишком привлекаешь к себе внимание. Конечно, за яркость никто не наказывает, но бывают времена, когда лучше быть не на виду: проще договариваться, проще демонстрировать лояльность.

Но, как и у всякого комплексного явления, здесь есть свои негативные эффекты. Наверное, когда элегантные решения только цель в себе, они становятся чистым искусством, а не бизнесом. Но настоящее развитие, поиск нового, всегда идет через личностные аспекты, связано с проявлением персональной решимости. Творчество индивидуально, креативный человек должен воспринимать себя в качестве уникального субъекта, он стремится к самопрезентации. Мир, который теряет многообразие, необязательно проигрывает на конкретном историческом отрезке. Например, выиграла же суровая Спарта у артистичных Афин в изнурительной Пелопоннесской войне. Однако в целом у сложно организованных обществ преимуществ больше, как и мобильности, гибкости, социальной привлекательности.

Субъектность, потеряв себя в сущностных моментах, сохранила по крайней мере две компенсации. Первая – сверхпотребление, давно ставшее комичным в западных странах, но сохранившее у нас свой размах. Что здесь поделать? Люди, ментально сформированные в советскую эпоху, продолжают компенсировать тесноту хрущевских квартир размером и количеством недвижимости, длиной яхт и суперджетами. В конце концов, это их способ выразить свое «я» в сверкании мира и преодолеть скрытый страх смерти. Но здесь, скорее, вопросы к психоаналитикам, которые любят сравнивать размер демонстративного богатства с нереализованным либидо.

Вторая компенсация – хайп. Если уже сложно стать уникальным, то можно постараться быть суперактуальным. Цифровым,

эджайловым. Здесь ты вроде на гребне волны, хотя и далеко не оригинален в своей оригинальности. Можно бежать внутри стада, но ощущать себя в его передовой части. Само направление задается условным пастухом, который вне поля видимости, но есть ощущение, что именно здесь и сейчас ты на пике прогресса. Чем это отличается от подлинной субъектности? Тем, что направление уже задано и, как часто бывает, движение становится догоняющим, вторичным по отношению к глобальному тренду.

Можно также отметить, что все циклично и за периодом нынешней стерильности рано или поздно наступит период персонального своеобразия и конкуренции личных качеств.

Источник: [Forbes](#)